

ЮРИЙ МАКСИМОВ

БЕЛЫЙ КСЕНОАРХЕОЛОГ

ВОЛЯ СИЛЬНЕЕ РОКА

NOVA
FICTION

Юрий Валерьевич Максимов
Белый ксеноархеолог
Серия «Nova Fiction.
Лучшая русская НФ»
Серия «Ксеноархеолог
Сергей Светлов», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73580868

*Белый ксеноархеолог:
ISBN 978-5-17-185147-7*

Аннотация

Прошло три года с тех пор, как Сергей Светлов – в прошлом черный ксеноархеолог, а ныне старший лейтенант Космофлота – открыл для человечества следы древних цивилизаций: некарцев, муаорро, таэдов. Теперь он возглавляет ксеноархеологический отдел научно-исследовательского центра «Фронтир» и воспитывает дочь вместе с любимой женой Лирой. Однако счастливую жизнь нарушает загадочный артефакт из будущего, указывающий на скорую гибель Лиры. Пытаясь обмануть судьбу, Сергей предпринимает действия, которые в итоге ставят под угрозу не только человечество, но и почти все разумные расы галактики. Последующие события станут

серьезным испытанием как для интеллекта Сергея, так и для его веры.

Содержание

Начало	6
Судьба в контейнере	12
Гемелл	24
Надя	33
Богословский казус	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Юрий Валерьевич
Максимов
Белый ксеноархеолог**

© Максимов Ю. В., 2026

© Олин Макс, иллюстрация на переплете, 2026

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

Начало

Черный ксеноархеолог – своего рода падший ангел в пантеоне науки. Падальщик, разоряющий бесценные артефакты погибших цивилизаций ради личной наживы. Или ради

ненасытной жажды знаний, как в моем случае.

Целый год я был черным ксеноархеологом и в то время писал дневник. Забросил после того, как оставил эту не вполне законную жизнь и стал матросом, а потом и офицером Космофлота. Не то чтобы не о чем было писать, просто изменился сам пишущий. Новый я не видел ни смысла, ни цели в том, чтобы продолжать записи старого меня.

Пока не оказался в поле беспомощности. Это психологический термин, используемый для состояния, при котором человек понимает, что надвигается ужасное будущее и он ничего не может сделать, чтобы предотвратить его.

Я застрял в этой мертвой зоне отчаяния достаточно надолго, чтобы обрести новую, жгучую потребность – описать полностью всю спираль событий, что закрутила в свой смертоносный вихрь меня, мою семью и все человечество. Угрозу, нависшую над нами. И что я делал в связи с этим...

Но главное, у меня наконец появился Читатель, ради которого стоит размотать клубок этой истории до конца. И очень серьезная причина, чтобы сообщить ему все, что последует далее, за этой строкой.

С чего бы начать? Продолжать с того момента, на котором я закончил свой дневник, неудобно. Прошло три года с тех пор, и подробно описывать все произошедшее будет утомительно, а читать это – еще утомительнее. Но и совсем не рассказать тоже нельзя.

Я вдруг понял, что первая книга записей может и не попасть к моему Читателю. В том безумии, что сейчас творится, единственная копия на планшете вполне может быть утрачена. Стоило сделать больше копий. Стоило распечатать ее... Но раз не сделал, придется тут рассказать и что-то из предыстории. Самый минимум.

Меня зовут Сергей Светлов. Мне тридцать лет. Скоро исполнится тридцать один. Я ученый. Кандидат археологических наук. Специальность «Ксеноархеология». Конкретно – неккаристика. Раньше можно было не уточнять: в то время, когда я защищал диссертацию, человечество знало только одну вымершую внеземную цивилизацию, неккарцев. Потом я обнаружил и другие. И не только вымершие. Муаорро. Таэдов. Дагонцев. И, конечно, Хозяев. Ужас, некогда терроризировавший галактику, а затем побежденный кем-то сильнее, о ком неизвестно вообще ничего.

Времена нарушений закона остались позади. Я больше не падальщик, не черный ксеноархеолог, работаю по-белому. Я встроился в систему, присягнул на верность Космофлоту Человеческой Федерации и ношу звание старшего лейтенанта, хотя оружие в руки брал лишь раз, для присяги. Место моей работы, научно-исследовательский центр «Фронтир», принадлежит Космофлоту. Возглавляю ксеноархеологический отдел. Вместе с моей прекрасной женой Лирой Светловой, в девичестве Недич. Да, она все-таки взяла мою фамилию, и да, мы действительно возглавляем этот отдел вдвоем, на рав-

ных. Как два солнца в бинарной звездной системе. Впрочем, несколько месяцев после рождения нашей дочки участие супруги в работе отдела было существенно ограничено, так что в тот период я стал единоличным руководителем. Но недавно Лира вернулась, не досидев до конца декрета. Отчасти из-за фанатичной влюбленности в ксеноархеологию. А отчасти из-за того, что мы оба знали: это последний год ее жизни.

Ей хотелось успеть сделать как можно больше...

Ну, вот я и написал это. Выдавил из себя, как яд. Самому противно. Впервые озвучил это черное знание, что годами точило меня изнутри. А раньше даже в мыслях спорил, мол, еще ничего не предопределено, я найду выход, какое-то решение... Но в глубине, в той тихой части сознания, где не живут иллюзии, я знал. Все это время я знал, что она с большой вероятностью умрет в этот проклятый год... Смерть, как черная дыра, уже начала незримо растягивать ее в нить, засасывая в свой губительный горизонт событий.

И нет, это не болезнь. Она совершенно здорова. Это судьба. Бездушная космическая машина по перемалыванию надежд.

Так, я опять неправильно пишу. Скучно. Лира – единственная, кто пока что читал мои дневники. Ну, еще Гемелл, конечно, но, по его мнению, писательские потуги в моем случае – просто придурь и пустая трата нейронных импульсов.

Гемеллом называет себя сознание инопланетянина из ра-

сы муаорро, которого убил наш корабельный андроид Герби четыре года назад. Тело Гемелла было расщеплено на атомы, но разум поселился в моем сознании и стал с тех пор моим постоянным спутником. Мы делим одно тело на двоих. Наши мнения, в том числе о моем творчестве, часто не сходятся.

Лире же дневник понравился, но она посоветовала уходить от долгих рассуждений: «Давай больше диалогов, больше действия! Пусть история дышит, а не тонет в трясилах постоянной рефлексии». Что ж, постараюсь. Только сначала – еще одна трясина. Последняя. Надеюсь, что последняя. Уж как пойдет...

Итак, судьба. Неумолимый рок. Фатум. Для меня все это сконцентрировалось в одном предмете – синем контейнере десять на двадцать сантиметров размером. Чуть больше ладони. А точнее, в том, что спрятано внутри этой холодной стальной шкатулки...

Мне никогда не нравилась концепция судьбы. Вызывала внутренний протест. И когда я был убежденным атеистом, и когда перестал им быть. Бабушка говорила, что судьба – это сокращение от «суд Бога». Но я так не думаю. И этимология кажется сомнительной, и понятия эти слишком уж разные: безличная судьба и Бог-личность.

Интуитивно кажется, что судьбу можно обмануть, она же слепая... но Бога не обманешь. Он зрячий. Более того: все-

видящий. С другой стороны, с судьбой не договоришься, не упросишь, не вымолишь иного исхода. Все равно что кричать на ураган, уговаривая его не дуть на тебя. Или умолять электричество не бить током, когда ты трогаешь оголенный провод... Проси не проси – они сделают то, что всегда... А вот с Богом шанс есть. В отличие от безликой судьбы Богличность может услышать. Может простить. Может помочь. Может изменить все, вывести из любого жизненного тупика.

А может и не вывести.

Может и не помочь.

Может и не простить.

Он имеет право решать о Своих действиях не в меньшей степени, чем мы.

Судьба в контейнере

Первые главы – до начала спасательной экспедиции – пойдут не в хронологическом порядке, а в смысловом. По темам и персоналиям. И начну я с самой главной темы, от которой, как от ствола, произрастут ветви последующих событий.

С темы судьбы.

Итак, синий контейнер десять на двадцать сантиметров, ставший сосудом для самой тревожной загадки и самого мучительного для нас знания. Сердце всегда начинало стучать быстрее при одном взгляде на него. И оно бешено колотилось, когда мы с Лирой решили, наконец, показать его содержимое другому человеку.

Нашему начальнику доктору Нейфаху.

Случилось это примерно через год после знакомства с ним и работы под его началом. Сперва особа Терентия Егорыча, его ястребиный профиль и сухая манера изъясняться рождали в нас лишь почтительную настороженность. Однако постепенно мы разглядели за этим строгим фасадом блеск недюжинного ума и, что неизмеримо важнее, порядочность.

И вот мы осмелились открыть ему наш гнетущий секрет. Разговор проходил в его кабинете, обставленном по-спартански, как почти все в Космофлоте. Контейнер покоился на столе перед доктором Нейфахом. А я тем временем объяснял:

– Во время наших путешествий мы посетили одну планету. Раньше ее населяли разумные существа, известные как муаорро. Но к нашему прибытию все живое на ней уже пятьсот лет как было уничтожено. Это случилось во время войны...

– Хозяев с их врагами, – сказал доктор Нейфах. – Я читал ваш отчет об этом.

– Но кое-что осталось за рамками отчета, – продолжил я, ощущая, как посредством моих слов тайное готовится, наконец, стать явным. – На орбите планеты дрейфовало множество обломков искусственного происхождения. Лира исследовала их и нашла нечто, чего там по всем законам логики и физики находиться не могло. Этот артефакт здесь.

Лира, словно аккомпанируя моим словам, открыла контейнер, и доктор Нейфах подался вперед, с интересом разглядывая содержимое.

– Это... наш бейдж? – с удивлением спросил он.

– Мой бейдж, если говорить точнее, – ответила Лира. – Я нашла его на орбите той планеты задолго до того, как узнала о существовании НИЦ «Фронтир» и стала здесь работать.

– Хм... Могу ли я взять его в руки?

– Да, пожалуйста.

Доктор Нейфах достал из ящика стола перчатки и привычным движением надел их, после чего с величайшей осторожностью извлек артефакт на свет Божий.

– Ленточка испачкана чем-то бурым... – заметил он, вгля-

дываясь.

– Это кровь, – прозвучал тихий, но твердый голос Лиры. –
Моя.

Взгляд доктора Нейфаха скользнул по ее белому халату, где висел точно такой же бейдж.

– Они во всем идентичны, кроме даты, – сказала моя жена.

Начальник тут же посмотрел на дату и нахмурился.

– Это через два года.

– Да, артефакт из будущего, – нетерпеливо вступил я. –
Есть основания полагать, что враги Хозяев использовали для победы над ними хронотронное оружие. Возможно, оно создает временные аномалии. А значит, этот бейдж мог оказаться там только в одном случае: если через два года Лира снова отправится на орбиту этой планеты и при каких-то дурных обстоятельствах – быть может, сопряженных с ее телесным повреждением – утратит его. Бейдж, пройдя через аномалию, отправится в прошлое, где еще живая и здоровая Лира найдет его. Вернее, уже нашла.

– Это единственная гипотеза, к которой вы пришли?

– Были и другие, но их пришлось отсеять после того, как оказалось, что НИЦ «Фронтир» действительно существует, и мы получили в нем работу, и здесь выдают именно такие бейджи. Вероятность случайной конвергенции всех этих факторов стремится к нулю.

Доктор Нейфах погрузился в молчаливое изучение объекта, оценивая масштаб интеллектуального вызова, который

тот собою представлял. Наконец с почти церемониальной медлительностью Терентий Егорыч вернул бейдж в контейнер, этот синий саркофаг надежды.

– Я хотел бы его исследовать.

– Он в вашем распоряжении. А я хотел бы, чтобы нас – или по крайней мере мою жену – никогда не направляли к той проклятой планете.

Терентий Егорыч спокойно заметил, снимая перчатки:

– Строго говоря, до даты, указанной на бей-дже, госпожа Светлова может посещать ту точку пространства без фатального риска. Например, в этом году.

– Нет, не может!

– Сережа, доктор Нейфах прав.

– Нет, он не прав! Ты не окажешься там! Никогда!

– Извините, он психует, когда дело касается этого бейджа, – сказала Лира.

– Я вижу, – кивнул начальник. – Что ж, мы изучим данную находку. Но кое-что я могу сказать прямо сейчас. Мы уже отправляли экспедицию по вашим координатам. К планете Муаорро, как вы ее обозначили в рапорте.

– Что? – удивился я. – А почему нам об этом не сказали?

– Потому что начальство не отчитывается перед подчиненными, Сергей Петрович. Обычно все происходит наоборот. А кроме того, в то время вы были заняты подготовкой к экспедиции на планету таэдов. Она, как обитаемая, имела приоритет. Муаорро же была сочтена второстепенной, одна-

ко отработать нужно было все. Поэтому в логах навигатора вашего звездолета мы взяли координаты и послали по ним экспедицию.

– И что же она нашла?

Мне вдруг стало интересно. А что, если исследователи обнаружили там целую грудку собственных бейджей, нагромождение идентичных пропусков из различных временных циклов, и наша личная трагедия – это просто фрагмент некоего вселенского фарса, бессмысленного хоровода материи в петлях времени?

– В том-то и дело, что ничего, – ответил начальник с той же бесстрастной интонацией. – Там нет никакой планеты.

– Невозможно! Мы видели ее своими глазами! А я ходил по ней своими ногами!

– И все же ее нет.

– Как может исчезнуть целая планета?

– Не знаю. Как и то, каким образом наш бейдж может путешествовать во времени. Однако если вы хотите предотвратить подобное развитие событий...

– Да, хочу! – выпалил я.

– Что ж... – Его пальцы пробежали по экрану планшета, набирая номер, после чего доктор Нейфах поднес гаджет к губам. – Агаточка, добрый день! Распоряжение: более не выдавать бейджи сотруднице Лире Светловой. Внесите в базу, что ее текущий пропуск действует бессрочно, без ежегодного обновления. Спасибо.

– Спасибо! – эхом повторил я. – Большое спасибо!

– Не за что. Это часть эксперимента. Посмотрим, получится ли изменить будущее. По идее, если я только что это сделал, данный артефакт должен исчезнуть...

Мы разом посмотрели на бейдж в контейнере.

– Но он не исчез. Может быть, это работает иначе. Разберемся.

Дома Лира, к моему глубочайшему неудовольствию, продолжила эту тему.

– А ведь Терентий Егорыч прав. Я могу полететь туда до наступления того года, что указан на бейдже.

– Нет, не можешь.

Я надеялся, что это прозвучало как мольба, а не как запрет. Наша любовь снова становилась полем битвы двух свобод.

– Послушай, это ведь моя судьба на кону. Мой бейдж. Я хочу понять. Хотя бы попытаться...

– Нет, не хочешь. – Я был преисполнен решимости защитить жену от любых угроз, включая ее собственную безопасность.

– Послушай, Сережа...

– Нет, это ты послушай! – Прозвучало слишком резко, и я заставил себя говорить спокойнее. – Ты самое дорогое, что есть в моей жизни. Я никогда этого раньше не говорил и, наверное, никогда не скажу больше, но сейчас говорю. Я муж.

Глава семьи. Я принял окончательное решение: ты не полетишь к планете Муаорро. Никогда. Ты жена. Слушайся мужа. Пожалуйста...

Она закатила глаза, и легкий, почти театральный вздох вырвался из ее груди:

– Окей. Слушаюсь и повинуюсь, мой господин.

Я подошел и обнял ее. Тело Лиры оставалось напряженным.

– Ты же понимаешь... – начала она.

– Я все понимаю.

– Но ты не думал...

– Я думал. Я постоянно об этом думаю. Я не хочу тебя потерять. Ни за что!

– Ты сейчас потеряешь, задушив меня в объятиях. Еще немного, и я задохнусь.

– Прости.

Я отпустил ее, и она скептически посмотрела на меня.

– Ладно, раз я не могу подвергнуть свою жизнь риску у далекой планеты, придется заняться чем-то менее приятным. Но не менее важным.

Она имела в виду наши попытки произвести на свет потомство. В конце концов они увенчались успехом, но сейчас речь не об этом. Сейчас речь о судьбе в синем контейнере.

Возможно, вы тоже думаете, что я слишком психовал, но... Представьте, что на вашу планету несется огромный

метеорит, который уничтожит все живое, включая вас. Вы свободны выбирать, чем заняться. За оставшееся время можете изменить многое в своей жизни и в жизни окружающих. Только вы ничего не можете поделать с одним-единственным фактом: метеорит продолжает свое движение и неизбежно упадет.

И покинуть планету невозможно.

Каков будет ваш выбор? Спокойно дожидаться конца, пытаясь выжать из оставшихся дней еще немного капель счастья? Или яростно, до последнего вздоха искать способ отклонить эту проклятую глыбу, даже если все вокруг будут считать вас безумцем? Не знаю, кто как, а я выбрал второе.

И случай мне представился.

Что бы там ни говорил наш досточтимый начальник, система есть система. Особенно армейская. Это бюрократический левиафан, обладающий собственной инерцией, бессмысленной и беспощадной. Раз положено обновлять бейджи всем сотрудникам раз в год, значит, положено. На следующий год Агаточка, которой доктор Нейфах отдал распоряжение, освободила Лиру от обновления. Мы тогда готовились стать счастливыми родителями, и нам было немножко не до того. Да и вообще ни до чего, честно говоря.

У Лиры были сербские корни, поэтому она хотела дать нашей дочери имя из ономастикона своих предков. Я попытался воспротивиться, но она парировала:

– Ты велел мне не лететь на планету Муаорро, и я тебя послушалась. Значит, я имею право выбирать имя.

Логической связи я тут, честно говоря, не уловил, но сдался. Так наша дочь стала Драганой. Однако в крещении Софией. Это уже я выбрал. «Мудрость», в переводе с греческого. Весьма дефицитный ресурс, которого нам всем не хватает. Особенно мне...

А затем Агаточку уволили – или она сама уволилась, мне на самом деле без разницы, – и на ее место пришла Викулечка. И она решила, что ее предшественница ошиблась, исключив Лиру из числа сотрудников, получающих обновленные бейджи. А Викулечка очень хотела показать, что она, в отличие от Агаточки, компетентна и ошибок не совершает...

В тот день я застал Лиру в лаборатории. Она сидела, уставившись в пустоту, а в бледных руках ее лежал новый бейдж. Я сразу все понял.

– Они все-таки выдали?

– Да.

Я забрал из ее рук этот кусок пластика, тяжелый не своим весом, а значением. Лира не сопротивилась. Осмотрел. Точная копия того, что лежал в синем контейнере, только синяя ленточка пока не испачкана в крови.

В душе закипало раздражение в отношении Викулечки, доктора Нейфаха и особенно судьбы, что с таким упорством возвращала нам наш кошмар. Но я не подал виду. Улыбнулся и сказал:

– Теперь эта штука не будет иметь к тебе отношения. – И выбросил бейдж в мусорку.

– Хорошо... – слабым голосом ответила моя любимая.

Я посетил Викулечку, источавшую миазмы дешевого кофе и ландышевых духов. Наорал на нее, объяснив, что в случае моей жены должен оставаться актуальным прошлый бейдж. Грозил всеми карами небесными, а также тем, что пожалуюсь профессору Нейфаху. Последнее сработало. Викулечка, словно пойманная мышь, смотрела на меня широко раскрытыми глазами, кивала и, кажется, все поняла.

Жаль, что я не остановился на этом. Мною овладела навязчивая идея во что бы то ни стало направить локомотив настоящего по рельсам, проложенным моей собственной волей. И потому вечером, уже после ухода Лиры к нашей прекрасной постоянно орущей доченьке, я, поборов брезгливость, залез рукой в урну и достал этот треклятый бейдж.

На следующее утро я пришел в медотсек и скучающим голосом осведомился у лаборанта:

– У вас сохранился образец крови Лиры Светловой?

Их брали у нас каждый год при диспансеризации, однако я не располагал информацией о времени хранения образцов.

– Да.

– Передайте мне. Приказ доктора Нейфаха.

У гражданского лаборанта эта просьба вызвала бы каскад вопросов. Но у нас тут Космофлот. Поэтому у моего собеседника вопрос оказался только один. И то скорее полувопрос:

– Мне не сообщали.

– Видимо, команда еще не прошла, – спокойно ответил я. – Если хотите, можете сами у него уточнить.

«*Лгать грешно!*» – заворчал в моем сознании Гемелл, пришелец-муаорро, но я его проигнорировал. Что-что, а это я за годы вынужденного симбиоза научился делать идеально.

– Ладно, берите, – равнодушно ответил лаборант, протягивая мне пластиковую колбочку с темной кровью.

– Благодарю!

После этого я, запершись в своем кабинете, начал операцию против судьбы. Слабый запах железа коснулся ноздрей, стоило мне вскрыть колбочку. Пипетка в моей руке дрожала, когда я аккуратно, каплю за каплей, переносил кровь Лирь на синюю ленточку бейджа, извлеченного мною вчера из урны. При этом я сверял с увеличенной фотографией злочастливого артефакта на экране планшета каждый мазок, каждую прожилку, каждый оттенок ржавого пятна, добиваясь не просто сходства, но тождества. Больше я не бегу от предопределенности – я создаю ее!

Полчаса спустя у меня в руках лежала идеальная копия.

Нет, не копия! Я создал тот самый артефакт и чувствовал себя превосходно! Мне удалось обмануть судьбу. Теперь кровь на бейдже была не предвестником трагедии, а следствием моей целенаправленной мани-пуляции с материалом из колбы! Не предопределенное будущее, а переписанное

прошлое. И чтобы эта штуковина точно не попала к Лире, я решил всегда носить ее при себе, засунув поглубже в карман брюк.

Жене обо всем этом я, разумеется, не сказал.

«И ты думаешь, что таким образом перехитрил судьбу?»

– скептически спросил в моем уме Гемелл.

– Да, – довольно ответил я. – По крайней мере, это лучше, чем ничего.

«Ничего почти всегда лучше, чем твои идеи. Чего ты так боишься будущего? Тот же Бог, Который есть сейчас, будет и тогда. Как Он заботится о тебе сейчас, так же сможет позаботиться и в будущем. Самое главное – самому не отступить от Него. Тогда никакие грядущие ужасы, потери и боль не сломают тебя».

– Если есть возможность предотвратить потери, я должен ею воспользоваться.

«И как ты можешь знать, предотвратил ли ты их своими действиями или, наоборот, открыл им путь?»

Так, раз уж я начал приводить наши диалоги, стоит сказать о том, с кем именно я их вел.

Гемелл

Подселившийся в мой разум индивид принадлежал к одной из рас, поработанных Хозяевами, муаорро. Из-за способности к телепатии им определили участь Смотрителей на дальних аванпостах и прочих изолированных объектах, разбросанных по галактике. И если нарушитель проникал на объект, то Смотритель в ответ проникал в его сознание, запуская непостижимый процесс, что в одночасье выкашивал под корень всю расу нарушителя. Так погибли, в частности, некарцы за двести с лишним лет до того, как люди отыскали безмолвные руины их цивилизации.

Совершилось это истребление именно через Гемелла. Сам он того не хотел, но был вынужден повиноваться чудовищной программе, вживленной в него Хозяевами. Ну а мы нашли звездолет тех самых некарцев, что принесли гибель своему народу, и вознамерились повторить их путь, немало удивив Смотрителя тупостью этого решения.

Я был в команде черных ксеноархеологов, когда мы пробрались на аванпост Хозяев и угодили в ту же ловушку. Гемелл проник в мой разум и собирался уничтожить человечество, как некогда некарцев, но не успел – его убил наш андроид Герби. Точнее, разрушил телесную оболочку муаорро, а разум уцелел и застрял во мне.

И не сказать, что такое развитие событий огорчило Гемелл

ла. Напротив. Он был рад обрести свободу от ужасной программы Хозяев и вырваться из заточения в бункере. Хотя бы и в таком причудливом виде, ценою собственной плоти.

Ну а я совсем не обрадовался, обнаружив в своем сознании незваного пассажира. Нам часто говорили про то, что в космических путешествиях тело может подцепить какую-нибудь инопланетную заразу, но я даже представить не мог, что и ум может быть чем-то или, вернее, кем-то поражен. Мои попытки выселить ментального паразита были энергичными, но безуспешными. В конце концов пришлось смириться с этим симбиозом, что оказалось делом трудным и мучительным.

«Ты забыл помолиться», – с упреком напомнил Гемелл.

– Я прочитал «Отче наш»...

«Утреннее правило включает и другие молитвы».

– Я... я прочитаю их позже...

«Уже почти полдень по корабельному времени».

– Блин!

Дело в том, что, знакомясь с человеческой культурой, Гемелл заинтересовался христианством. И не просто заинтересовался, а прямо зафанател. И со всем жаром неопита обрушил свои проповеди на единственного человека, который мог его слышать, – меня. Я в то время считал себя атеистом и приходил в бешенство от того, что у меня в голове завелся неумолкающий катехизис Православной Церкви, с которым ничего нельзя поделать.

Впоследствии, после долгих размышлений и многих жизненных перипетий – а вовсе не из-за проповедей Гемелла! – я все-таки пришел к вере. Это слишком личное, и я не хочу об этом много говорить. Но я надеялся, что муаорро, видя мое обращение, наконец уgomонится и перестанет пилить меня насчет религиозных вопросов.

Как бы не так! Этим надеждам суждено было сбыться разве что на пару недель. А потом оказалось, что хоть я и стал православным, но – неправильным православным! И Гемелл ревностно принялся меня исправлять, как садовник, подрезающий кривые ветви.

«Сегодня среда», – многозначительно говорил он, стоило мне взять в столовой омлет и чай с молоком.

«Ну и хорошо, – мысленно отвечал я. – Середина недели».

«Постный день», – уточнял Гемелл.

«Слушай, я ведь уже соблюдал Великий пост».

«А еще нужно соблюдать пост по средам и пятницам. Это предписывает 69-е апостольское правило и 15-е правило святого Петра Александрийского. В воспоминание о предательстве Иуды. Как Христос сказал в Евангелии: „В те дни, когда отнимется от учеников Жених, в те дни будут поститься“. В среду Иуда предал Христа, а в пятницу Его распяли. В эти дни Он был отнят от учеников. Таков смысл правила. А за нарушение оно предписывает отлучать от Церкви».

«Что, прямо из-за омлета анафема?» – раздражался я.

Мне он очень нравился. С сыром и луком, ароматный, горячий...

«Дело не в омлете, а в отношении. В том, как ты исполняешь волю Божию. Он столько раз тебя спасал, а тебе влом даже такую малость для Него сделать? Бог, значит, твою волю должен выполнять, когда ты его просишь, а ты на Его волю можешь плевать, когда тебе омлета захотелось?»

Наверное, со стороны это выглядело странно. Когда молодой лейтенант в красивом мундире с улыбкой берет омлет, а затем, подходя с подносом к столу, замирает на несколько секунд и шипит:

– Да чтоб тебя!

После чего, вернувшись, выбрасывает омлет, чтобы потом с крепко стиснутыми зубами взять овсянку на воде.

И вместе с тем... Или, скорее, несмотря на это Гемелл стал моим лучшим другом и много раз спасал жизнь мне, а один раз – Лире. Так что я выбрасывал омлет скорее ради него, чем ради Бога. Мне было сложно поверить, что Творцу Вселенной действительно есть дело до того, что я ем или не ем. Хотя, конечно, о посте сказано в Библии, и Сам Христос постился, и Его апостолы, и все святые после них. Когда муаорро говорил, что в духовных вопросах они явно были не глупее меня, возразить мне было нечего.

Именно Гемелл привел нас на свою планету. Надеялся

увидеть сородичей, воссоединиться с ними. Говорил, что они смогут извлечь его из моего сознания. Но, прибыв на место, мы увидели лишь обугленный шар, окруженный роем обломков. Муаорро были важным орудием Хозяев, и враги, видимо, решили лишить их этого орудия. Вся жизнь была здесь выжжена дотла. И вот на орбите этой планеты Лира нашла тот злополучный бейдж...

«Перед едой надо помолиться», – напомнил мой сосед по разуму, когда я уже поставил тарелку с кашей, сел и взял ложку.

– Да чтоб тебя! Ну сколько можно?

«Столько, сколько нужно».

Пришлось отложить ложку, встать и бубнить молитву.

Кстати, Гемелл – это не настоящее его имя. Он взял человеческое в честь христианского мученика Гемелла Пафлагонского. Утверждал, что его подлинное имя мне все равно не выговорить.

Дело, конечно, не ограничивалось тем, что он дергал меня по мелочам (заявляя при этом, что в духовной жизни мелочей не бывает). Мой сосед ставил передо мной и более глубокие мировоззренческие вопросы.

Помню, сижу я как-то у себя в кабинете. Пятница. Рабочий день кончился, и я размышляю о том, чем мы с Лирой займемся в воскресенье после посещения храма. И вдруг Гемелл говорит:

«Чин монашеского пострига начинается с вопроса к по-

слушнику: „Брат, зачем ты пришел?“ Крайне важно определить намерение, с которым ты совершаешь или собираешься совершить что-то. Намерение наполняет действие смыслом. В зависимости от того, правильное намерение или нет, меняется и ценность дела. Оно становится праведным или грешным».

«Ну, я в монахи пока не собираюсь».

«Этот вопрос стоит задать не только монаху. Вот ты уверовал в Бога. И что дальше? Начал ходить на службы в храм, приступать к таинствам – для чего? Каким смыслом ты это наполняешь?»

Я хотел было отшутиться: «Чтобы ты поменьше ворчал», но не стал. Гемелл все равно не понимает шуток, а вопрос и впрямь серьезный.

После того как я вошел в пылающее чрево реактора, чтобы спасти корвет «Благословенный», я ощутил опыт Божественного присутствия. Это было подобно вспышке, осветившей все мое существо. Очень особенный опыт. Позже, в госпитале, после первой исповеди и причастия я снова явно ощутил Его близость.

Потом, когда наша жизнь на базе Космофлота вошла в свою колею, я начал посещать храм каждое воскресенье и надеялся, что смогу на службе испытать те же чувства. Но этого не произошло. Конечно, мне бывало хорошо во время литургии, порой на душе становилось легко и светло после исповеди, но прямо такого же переживания, такой же вспышки

– нет, не случилось.

Приятно было, особенно в первые разы, ощутить преемство наших с Лирой походов в храм с тем, как в детстве мы посещали службы всей семьей.

«Но это не главная причина», – заметил Гемелл.

«Да, не главная».

Тут, конечно, был еще момент дисциплины. Я воспитывался в семье офицера, да и вообще у нас на Мигори любят дисциплину. Так что для меня это понятно: раз решил, что надо ходить, значит, надо.

«Но надо для чего? Почему?»

Наверное, в какой-то степени это выражение благодарности. Бог спас от смерти меня, Лиру, помог выбраться из нравственного тупика, и посещение посвященных Ему служб – самое малое, что я могу сделать.

«Но это не главная причина. Этого бы тебе надолго не хватило».

Звучало обидно, но было правдой.

Закрыв глаза, я всмотрелся в свою внутреннюю тьму, пытаясь осветить ее вопросом: почему я на самом деле хожу на церковные службы? И здесь, в глубинах своего сознания, почти на задворках его, я увидел страх. Бейдж с окровавленной лентой. Вот оно! Каждое воскресенье в храме, ставя свечку за Лиру, я прошу Бога спасти ее от судьбы. Чтобы она не погибла на орбите планеты Муаорро. Своими походами в храм я хочу задобрить Бога, повысить шансы на то, что моя мо-

литва исполнится. И Лира будет спасена.

«Значит, если она будет спасена, ты перестанешь ходить в храм? Или же будешь делать это просто по привычке, не наполняя предельным смыслом?»

Открыв глаза, я спросил: «А каков он должен быть, предельный смысл?»

«Сам Бог. Большинство людей ищут чего-то от Бога, а не Самого Бога. Дай мне то, пошли мне это... И таким образом низводят Творца Вселенной до средства обустройства своей земной жизни. Но Бог хочет вам, людям, дать не просто что-то Свое, а Самого Себя. И кто обретает Его, вместе с Ним обретает все. Включая вечность. А тот, кто Его не желает, даже получая просимое, остается в конце концов ни с чем.

Желать спасения жизни любимой супруги естественно, и просить об этом не постыдно, но сводить к этому содержание своих отношений с Богом – ошибка. Ведь даже если не в ближайшее время, то рано или поздно Лира умрет. Все люди смертны».

Я задумался. Не хотелось признаваться, что Бог Сам по Себе мне не нужен. Или что мое отношение к Нему потребительское. Я был поражен и тронут, когда во время упомянутого духовного опыта осознал, что Бог смотрит на меня. Среди чудовищно огромной Вселенной со множеством галактик, звезд, планет и их обитателей Он видит меня! Это стало основой моего глубоко личного и живого отношения

к Нему.

Но полностью посвятить себя Богу, как предлагает Гемелл...

Нет, это не для меня.

Однако образ Бога, готового отдать людям Себя Самого и слышащего в ответ: «Нет, спасибо, мне от Тебя нужно только вот это и это», застрял во мне глубоко. И побуждал к чему-то большему в церковной жизни. Иногда я помогал отцу Варуху на службе в алтаре. Несколько раз вел занятия по катехизису в воскресной школе, пока учитель был в отпуске.

И продолжал каждое воскресенье молиться за Лиру.

Надя

Парад Космофлота в честь 102-й годовщины Усмирения Земли – самое масштабное зрелище, что я когда-либо видел. Оркестр торжественно играет, и каждая выверенная нота слагается в величественный акустический монумент. Ну, трубы и барабаны понятно, но то, что даже нежные скрипки могут звучать столь грозно и мощно, если соберутся вместе, – это неожиданно и впечатляюще. Матросы и офицеры синхронно маршируют, сверкая золотом пуговиц на белых мундирах. Ряды матросов идут в начале, в конце медленно едет техника, ощерившаяся стволами орудий, а между ними – серая колонна высоченных штурмовиков в их бронекостюмах, своего рода гибрид солдат и военной техники.

Раньше мне казалось, что парады – это просто демонстрация силы. Мол, посмотрите, сколько у нас всякого разрушительного, гордитесь, если вы с нами, и бойтесь, если против нас. Но сейчас я думаю, что дело в другом. Это прежде всего демонстрация безупречного контроля над человеческими массами и доказательство того, что такой контроль можно использовать не только для уродства уничтожения, но и для красоты созидания.

Парады – это единственный мирный вид военного искусства. Наверное, ближе всего они к театру, хотя это сравнение оскорбило бы военных, потому что здесь никто не играет, не

изображает того, кем не является.

Я с воодушевлением всматривался в ряды молодых и красивых лиц, ища знакомых... И находил их! Вон мичман Беркович, что приводил меня к присяге. А вон Клим, который сидел со мной в госпитале, когда я выздоравливал после входа в реактор. И многие другие...

Тогда я даже представить не мог, что всего через несколько месяцев почти все эти воины будут мертвы, паря замороженными статуями в межзвездной пустоте среди обломков их звездолетов... Как и в случае со смертью отца, произошедшей в моем отрочестве, у меня не было никакого дурного предчувствия.

Думаю, ни у кого не было.

Стоя на балконе среди высшего офицерского состава, куда меня пустили по распоряжению контр-адмирала, я наслаждался красотой геометрии парада, его безупречным ритмом и улыбался, чувствуя себя одновременно и зрителем, и участником. Это был апофеоз величия человечества, достигшего звезд. Выражение воли, долга, чести, дисциплины и единства, которых, казалось, достаточно для того, чтобы справиться с любой угрозой, любым вызовом.

Но среди рядов человеческих лиц выделялась – и не могла не выделяться – Надя. Благодаря внешности, конечно. Темно-синее безносое лицо с четырьмя черными глазами. Единственная некарка в Космофлоте Человеческой Федерации. Инопланетянка в человеческом мундире, синхронно двига-

ющаяся в общей колонне, – в этом было что-то фантастическое. Разумеется, к ней был прикован не только мой взгляд.

Стоящий рядом контр-адмирал Орланди, прочистив горло, сказал:

– Поначалу это выглядело как кошмар. Затем как курьез. Потом стало нормой. Ну а теперь... Теперь я, пожалуй, даже горжусь этим.

– Да, сэр. Я тоже.

В отличие от него я гордился Надей с самого начала. И ее участие в параде – демонстрация того, что наша Федерация не только для людей.

Следует написать про Надю, что я сейчас и сделаю, но сначала пару слов о ее расе.

Неккарцы. Мои любимые неккарцы. Подсознательно я сравниваю их с большими человекообразными игуанами. Хотя Лира закатывала глаза, слыша это сравнение, называя его дурацким, ненаучным и в корне неверным. Она, безусловно, права и, будучи ксенобиологом, разбирается в этом лучше меня. Но другого, более точного и столь же емкого определения я так и не подобрал. Так что пусть будет это.

В отличие от игуан неккарцы прямоходящие, с темно-синей, почти чернильной кожей и четырьмя неподвижными угольными глазами на плоском, лишенном мимики лице. Более того, они даже млекопитающие, хотя у них это происходит скорее как у утконосов, чем как у людей.

В чем же тогда, спрашивается, сходство с игуанами? Помимо некой «рептилиевости» лица и пластики движений, есть еще трудноуловимое, но устойчивое ощущение глубинной инаковости. Насколько игуана иная по сравнению с человеком, настолько же иным кажется мне неккарец.

Поначалу я, конечно, изучал только их скелеты. А они обманчивы: на уровне костей все двуногие похожи. В руинах неккарских городов мы нашли сотни тысяч скелетов. Нескольким трупам посчастливилось сохраниться в мумифицированном виде, но к таким раритетам мелочь вроде меня не допускали.

Первого полноценного неккарца я увидел только во время проникновения в бункер Хозяев. Это был экипаж звездолета, прилетевшего сюда за триста лет до нас да так и оставшегося тут. Принеся гибель всей расе своим любопытством. Их было трое. Застывшие скульптуры, идеально законсервированные непостижимой технологией Хозяев. Один неккарец стоял, не имея видимых повреждений. Второй лежал с зияющей раной на животе. А у третьей, неккарки, была оторвана голова, брошенная чуть дальше по коридору.

Позже Гемелл объяснил: программа требовала оставлять одного представителя расы-нарушителя живым, но в «замороженном» состоянии – на случай, если Хозяева захотят изучить добычу. Думаю, они коллекционировали таких «последних выживших» для какой-то своей кунсткамеры.

Несколько месяцев спустя на планете таэдов нам удалось

найти устройство – я назвал его скипетром, – которое «разморозило» неккарца. Он проявил впечатляющие адаптационные способности к человеческим реалиям и взял имя И2ши. Уговорил нас привезти на его родную планету. Уговаривать, впрочем, долго не пришлось, ведь та была неизвестна другим людям, и мы могли вдоволь разжиться эксклюзивными артефактами безо всякого риска. Чем мы в то время, как черные ксеноархеологи, активно занимались. Там Иши и сбежал от нас. Я тогда расстроился и натворил глупостей, но сейчас речь не об этом.

Речь о Наде.

Еще во время наших не вполне легальных приключений Лира обнаружила, что полости в мозгу неккарцев были резервуарами для накопления питательных веществ. И предположила, что благодаря этому запасу обезглавленная неккарка, труп которой мы с Герби перенесли в трюм нашего звездолета, могла быть еще жива в тот момент, когда Гемелл ее «заморозил».

Проверить эту гипотезу нам удалось лишь год спустя, когда мы уже стали сотрудниками НИЦ «Фронтир» и доктор Нейфах подготовил все для рискованной операции. С помощью скипетра я «разморозил» лежащие отдельно на операционном столе голову и тело неккарки, после чего хирурги занялись своим делом и занимались им много часов.

Оказалось, она и впрямь жива, но шансов удержать эту жизнь было катастрофически мало. Все-таки декапитация

наносит огромный урон организму, да и кровопотеря до «заморозки» была колоссальной, а восполнить неккарскую кровь нам было нечем.

В моей голове безостановочно звучала молитва Гемелла – ровный, монотонный гул покаяния и надежды. Меня он тоже понукал молиться. Но я и без его понуканий просил Бога продлить ей жизнь. И не только потому, что в таком случае появлялся шанс на возрождение этой расы – мужская-то особь, Иши, уже есть! – но и потому, что просто хотел, чтобы она выжила. Дышала. Видела свет. Радовалась новому... Жила!

А Гемелл желал, чтобы совершенное им преступление хотя бы отчасти было исправлено.

Не знаю, насколько помогли наши молитвы, но в итоге неккарка выкарабкалась из объятий небытия. Благодаря Иши мы уже немного знали неккарский язык, что помогло установить контакт. Когда она окрепла, ей сообщили плохие новости – прошло триста лет, и почти вся их раса вымерла, кроме нее самой и Иши, а также, возможно, третьего члена их экипажа, которого мы пока еще не «размораживали».

Два дня она лежала неподвижно, глядя немигающими черными глазами в матовую белизну потолка палаты. Переваривала все это. А на третий день резко поднялась и сказала:

– Я стану одной из вас.

Именно так. Не «хотела бы стать» или «надеюсь стать», а

«стану». Сказала как отрезала. И не просто сказала, а принялась за дело с титаническим упорством. Выучила русский язык. Поглотила гигабайты данных о человеческой истории, культуре и философии. Она впитывала знания, как губка, стремясь не просто понять, а раствориться в нас.

А потом – внезапно! – изъявила желание стать матросом Космофлота и, преодолев скепсис контр-адмирала, стала. Перед ней был и другой путь – стать ученой, как мы. И он потребовал бы гораздо меньше физических и психологических усилий. Но некарка не искала легких путей. Как и Иши, она пришла к выводу, что их цивилизация пала потому, что была слишком мягкой, недостаточно агрессивной перед лицом вселенской жестокости.

Так что Надя решила стать жесткой. И это у нее прекрасно получилось.

Когда она выбрала для себя человеческое имя Надежда, ее спросили:

– Почему именно такое?

– Нравится, – лаконично ответила она.

Я часто гадал, на что же именно она надеется. Наверное, на интеграцию в человеческое общество, поскольку на возрождение некаркаской расы она совершенно не надеялась, о чем не раз говорила:

– Как единственная выжившая самка, я сделаю все, что от меня требуется, но считаю это бессмысленным. Для восстановления популяции трех особей недостаточно. Мы биоло-

гический тупик.

Что касается «трех». Надя сказала, что третьего «замороженного» некарца звали Кщжеаллогх. Врачи из НИЦ «Фронтир» считали его случай гораздо более сложным.

– Почему? – спросил я на совещании. – У Нади была оторвана голова, а у него всего лишь распорот живот.

– У Нади был отделен только один жизненно важный орган, притом поддающийся реплантации, а у Кщжеаллогха ударом разрушены сразу несколько органов, которые мы никак не сможем восстановить, – ответил долговязый бородастый доктор Шкарбуль, ответственный за операцию.

«Можно сделать искусственные аналоги этих же органов, изучая некарскую самку», – прошелестел в моем разуме Гемелл.

Я озвучил его идею, выдавая, как обычно, за свою, ведь пришелец в моем сознании оставался секретом для всех, кроме Лиры и Герби.

– Да, мы уже думали об этом, – сказал доктор Нейфах. – Более того, начали работать в данном направлении. Но риск ошибки очень велик. Особенно учитывая то, что речь идет о нескольких органах. Один неверный расчет – и мы его потеряем.

Я присутствовал при операции. В стерильном свете, среди блеска хромированных инструментов и резкого запаха антисептиков стояла и Надя – как потенциальный донор некарской крови. А также чтобы Кщжеаллогх не слишком испу-

гался, если окажется в сознании. На случай летального исхода был заготовлен экстрактор для посмертного изъятия семени – последней лотереи в проекте восстановления неккарской популяции.

Моя роль была простой и страшной: я коснулся скипетром его груди. Мгновение – и застывшая статуя вздрогнула, захрипела, застонала. Неккарец, шумно задышав, начал растерянно озираться. Врачи приступили к спасению, Надя тоже подошла. Завидев ее, Кщжеаллогх просипел что-то по-неккарски, и она ответила.

Ему было больно. Невыносимо. Анестезии для неккарцев не существовало, так что операция проходила по живому. Врачи работали по-армейски быстро и слаженно, пережимая сосуды и спешно имплантируя искусственные органы. Их перчатки и халаты покрылись бурой кровью. Выглядело жутко.

Неккарец запрокинул голову и задергался в конвульсиях. Тогда Надя с ледяным спокойствием взяла со стола экстрактор и, подойдя с другой стороны, воткнула ему в паховую область. А затем объявила:

– Семя извлечено.

Неккарец забился в агонии. Врачи ускорились, пытаясь обогнать смерть, но не смогли.

Позднее мы прогнали через переводчик их короткий разговор. Кщжеаллогх спросил:

– Что происходит?

– Ты умираешь, – спокойно ответила Надя и добавила: – Я рожу от тебя ребенка.

Экстракорпоральное оплодотворение на территории Федерации запрещено, но в данном случае было санкционировано ввиду исключительной ситуации, да и речь шла не о людях. Эта операция прошла без моего участия и увенчалась успехом.

Как я уже упоминал, Надя, с ее ненасытным интеллектом, изучила огромный массив данных о науке, философии, культуре и истории человечества. Сначала в виде кратких выжимок, а затем более углубленно то, что заинтересовало. Задавала множество вопросов о том, что было непонятно. Больше всего ее удивляла концепция разделенного человечества. Что колонии, объединившиеся в Федерацию, после успешной войны поместили Землю в герметичный карантин, не позволяя никому улетать оттуда и прилетать туда. Надя не понимала, зачем виду, достигшему звезд, добровольно рассекать себя надвое.

Я объяснил, что мы заперли на прародине всех нигилистов, либералов, гедонистов и прочих морально разложившихся личностей, которые взяли там верх и от которых наши предки бежали в космос, «навсегда оставив Землю за спиной», как пелось в песне первых колонистов.

Когда земляне сто лет назад попытались насильственно подчинить «мракобесов из колоний», как они нас называли,

разразилась первая и последняя в нашей истории космическая война, к которой наши предки оказались более готовы, чем земляне. После победы мы лишили этих дегрантов возможности нам вредить, для чего и заперли на Земле. Отгородились от их моральной заразы и разложения. С тех пор каждая из двух частей человечества шла в будущее своим путем, не пересекаясь.

Разумеется, земляне были недовольны таким раскладом, и одной из задач тех частей Космофлота, что обеспечивали Карантин, был мониторинг попыток восстановить космическую программу. В случае их выявления по строящимся звездолетам и пусковым площадкам наносились ракетные удары из космоса.

– Навсегда разделить свою расу... – медленно проговорила Надя, пытаюсь осмыслить. – Нас бы это ослабило.

То же самое сказал и Иши. Тогда я ему с гордостью ответил: «А нас это сделало сильнее!» Теперь же, глядя в ее четыре бездонных глаза, я не нашел в себе прежней уверенности. Поэтому ответил иначе:

- Лучшего решения мы не нашли.
- Разве нельзя было договориться с ними после победы?
- Земляне это много раз предлагали. Проблема в том, что мы не можем им верить. Они предают друг друга, нарушают обещания собственным людям, их слово ничего не стоит. Это глубокое душевное повреждение. Они не могут стать другими с нами, даже если захотят.

– Раз ты так говоришь, значит, так и есть, – отозвалась Надя с той спокойной свободой от сомнений, которой я сам уже давно не ощущал.

– Где я могу больше узнать про Космофлот? – спросила она. – Видимо, это самые надежные и сильные люди, раз им вверена столь ответственная миссия.

Я дал ей информационные фильмы и статьи, не подозревая, как далеко это заведет. Потому что именно после знакомства с ними она заявила, что хочет стать матросом Космофлота! Уже будучи беременной! Ее отговаривали все, буквально все, от контр-адмирала Орланди и доктора Нейфаха до последнего лаборанта. Мы с Лирой тоже. Но некаррка осталась непреклонной.

– Если мы и выживем, то только став сильными, – с нажимом говорила она. – Пожалуйста, не нужно шадить меня.

В итоге контр-адмирал махнул рукой.

– Пусть попробует.

Я пытался его переубедить, но не преуспел.

– Ну что, братцы, – сказал контр-адмирал, представляя ее группе новобранцев. – Это Надя. Она некаррка. Теперь она одна из вас. Над вами будут ржать все остальные отделения, и с этим ничего не поделаешь. Раз к вам попало такое чудо-юдо. Извини, Надя. Просто чудо.

– Все в порядке, сэр!!!

Присутствующие вздрогнули от ее внезапного выкрика. Орланди продолжил:

– Но если кому-то из вас взбредет в голову начать ныть из-за того, что вам досталось такое чудо, то вспомните: все ваши неудобства – ничто по сравнению с тем, что выпало Наде. Вся неккарская раса уничтожена. Она сирота в самом предельном смысле этого слова. И мы, люди, удочерили ее. Теперь она – приемная дочь человечества. И именно вам я ее доверяю. Ваше отделение показало себя лучше прочих. Надеюсь, что вы лучшие не только в плане физической подготовки, но и нравственной. Позаботьтесь о том, чтобы она чувствовала себя здесь как в семье. Примите ее не только как товарища, но и как сестру. Я надеюсь на вас и рассчитываю, что вы не посрамите моей надежды.

Помолчав, контр-адмирал добавил:

– Н-да, насчет надежды вышел неожиданный каламбур...

В наступившей тишине не было ни улыбок, ни смешков.

– Но, полагаю, вы меня поняли. Так ведь, братцы?

– Так точно, господин контр-адмирал! – хором вырвалось из десятков глоток.

– Вот и чудненько. А ты... – он повернулся к стоявшей навытяжку Наде, – будь подружелюбнее с ребятами.

– Так точно, господин контр-адмирал!!! – От ее крика Орланди снова вздрогнул. – Будет исполнено!

Я видел, как напряглись его губы, сдерживая улыбку.

Несмотря на эту проникновенную речь, я боялся, что над Надей станут издеваться, травить ее по-тихому. Но, слава Богу, матросы оказались куда лучше, чем я о них думал. Они

и впрямь ее приняли, помогали, заботились, гордились ею и, как ни странно, в каком-то смысле даже полюбили. Что, впрочем, было несложно, поскольку Надя никому не доставляла проблем.

По крайней мере никому из людей. При всем моем к ней расположении я не могу выкинуть из головы слова доктора Шкарбуля. Он сказал, что, если бы не вмешательство Нади, Кщжеаллогх мог бы выжить. Она нанесла хоть и небольшую, но все же новую рану организму, который и так изо всех сил боролся с предыдущей раной. И это стало последней каплей...

Не знаю, правда ли это. Надеюсь, что нет. И все же... все же было бы лучше, если бы Надя сначала дождалась его смерти.

Что же до матросов, то, узнав о беременности Нади, они наотрез отказались участвовать с ней в спаррингах. Ну как отказались – просто не сопротивлялись. В итоге ей пришлось тренироваться с роботами, и она достигла немалого мастерства в рукопашном бое, как я заметил, наблюдая за одной из ее тренировок.

Я ожидал активного неприятия Нади со стороны матросов, но оно пришло совсем с другой стороны, о которой я до этого и предположить не мог.

Богословский казус

Как я уже упоминал, на нашей базе имелся храм, который я посещал каждое воскресенье – Гемелл следил за тем, чтобы это было буквально каждое воскресенье, когда я не в экспедиции, благодаря чему запах воска и ладана однозначно ассоциировался у меня с этим днем недели. До появления на свет Драганы Лиры тоже составляла мне компанию, несколько раз даже пела в хоре, и ее голос, чистый и высокий, разливался под сводами. А иногда я помогал в алтаре.

И вот однажды мы приходим в храм, а там Надя! И, конечно, она стала эпицентром всеобщего внимания. Взгляды прихожан буквально прилипли к ней. И не только прихожан, вот и алтарник-матрос, выходя со свечой, глаза таращит, и отец Варух в те моменты, когда к народу поворачивается, хотя и старается виду не подать, а все же нет-нет да и стрельнет взглядом в ее сторону. Певчие стоят на клиросе и на нее пялятся, а в перерывах между пением перешептываются да улыбаются.

И есть отчего: на ней традиционное русское платье в пол, а на голове платок белый повязан, булавкой заколот. И все это на четырехглазой неккарке!

– Это ты ее так нарядила? – спросил я шепотом Лиру, еле сдерживаясь от смеха.

– Кто же еще! – весело шепнула она в ответ.

Когда во время ектеньи Надя начала креститься правильно сложенным троеперстием, по храму прокатился гул удивленных бормотаний.

– А прийти ей сюда – тоже твоя идея?

– Нет, она сама захотела.

«Разговаривающим во время службы посылаются скорби!» – с укором напомнил Гемелл. Пришлось прервать разговор до конца литургии.

В принципе, с учетом страстного желания Нади интегрироваться в человечество ее интерес к нашей религиозной стороне жизни был неудивителен. Мне стало любопытно, во что выльется этот духовный эксперимент, и я решил занять позицию наблюдателя. Надолго ли хватит ее пыла?

Оказалось, что надолго. На службы она ходила регулярно, чем заслужила скупое одобрение Гемелла. Прихожане постепенно привыкли к ее виду и перестали глазеть. Разве что дети не могли скрыть любопытства. С ней стали заговаривать, знакомиться и улыбались уже не из-за диковинного внешнего вида, а по-доброму.

Но улыбались не все. Маргарита Ивановна, немолодая женщина, стоящая за свечным ящиком, наоборот, сурово поджимала губы при виде ее, а когда Надя подходила, чтобы взять свечи, шумно вздыхала, чуть ли не фыркала.

Пару месяцев спустя я вдруг увидел свечницу в нашем офисе. Маргарита Ивановна сказала, что пришла поговорить со мной, и я провел ее в кабинет.

– Ладно, Сергей Петрович, пошутили, и хватит, – решительно сказала она, усаживаясь напротив меня. – Пошутили, и хватит, я говорю.

– Пошутили про что? – вежливо спросил я, хотя уже догадался, о чем речь.

– Да вы и так уже догадались, – прозорливо ответила Маргарита Ивановна. – Я все понимаю, у вас тут важные вещи, наука и все такое, первый контакт, или какой он там у вас. Но вера наша – это не материал для ваших экспериментов, понимаете? Для нас это святыня!

А вот тут я не понял. Точнее, не сразу, но по мере того, как стремительным потоком неслась речь этой почтенной дамы, благоухающей церковными ароматами, до меня дошло.

– Вы думаете, что я подговорил Надю ходить в храм? – с удивлением спросил я. – Что это наш эксперимент?

– А что, не так, что ли?

– Нет! Она сама так решила. Сама захотела.

– Ну, как захотела, так пусть и расхочет!

Мне стал не нравиться этот разговор.

– Простите, вы что, запрещаете Наде ходить в храм?

– Я не начальство, чтобы запрещать. Но я пришла поговорить с вами как верующая с верующим. Вы же ходите на службы, причащаетесь. Неужели без веры?

– Я верующий.

– Значит, должны понимать.

– Понимать что?

Маргарита Ивановна придвинулась ко мне и отчеканила:

– Что этому. Не место. В храме!

– Почему?

– Потому что это – не человек.

– Да, но... даже кошкам можно. Надя не хуже кошки.

– Кошек в храм пускают, чтобы мышей ловили. Кошки не совершают крестное знамение, не ставят свечей и не ходят на огласительные беседы! Того и гляди это существо еще и креститься надумает!

Я был поражен. Наверное, из-за Гемелла я привык к мысли, что инопланетянин вполне может уверовать в христианство. Хотя поначалу это воспринималось совершенно кринжово, но тогда я был атеистом. А с точки зрения верующих, мне казалось, что, наоборот, это круто, если твоей верой начинают интересоваться даже представители иных космических цивилизаций. Но вот передо мной сидит Маргарита Ивановна, и для нее это совсем не круто. Вместо радости – резкое неприятие, за которым сквозит страх. И, видимо, она в этом не одинока.

– Вас отец Варух послал поговорить со мной?

– Нет. – Впервые за весь разговор женщина смутилась и даже как будто покраснела.

Что ж, может, и не посылал, но знал, что она хочет прийти. И не возражал. Мне стало совсем грустно.

– Значит, вы не хотите запрещать Наде ходить в храм, но хотите, чтобы я запретил? – подытожил я. – И как же я ей

это скажу?

– Вы человек ученый. Слова найдете.

– Ну, как выгонять людей из храма, меня не учили.

– Она не человек, Сергей Петрович. Вы вот сердитесь на меня, вижу ведь, что сердитесь. Думаете, что я злая бабка, не люблю эту... Надю. Да если что-то нужно помочь ей, ну, там, освоиться, научиться чему-то по хозяйству, только скажите, я с радостью. И приду, и помогу, и научу. Пусть живет у нас, и пусть у нее все будет хорошо! Но в храме... Неужели, миленький, вы не чувствуете, когда она там, как это неправильно?

Я вдруг увидел слезы в глазах Маргариты Ивановны, и это совершенно выбило меня из колеи.

– Я... – от смущения мне даже сложно было слова подобрать, – я обдумаю то, что вы сказали.

– Подумайте хорошенько, голубчик, Христом Богом прошу!

И я, разумеется, подумал. Конечно, у Маргариты Ивановны не было никаких полномочий, и я мог бы просто проигнорировать этот разговор. Но ее слезы задели меня за живое. То, что поначалу я воспринял просто как ксенофобию, стало выглядеть сложнее, будто то, что Надя ходит в храм, как-то оскверняет святыню.

И ведь Маргарита Ивановна действительно не была злобной бабкой: это добрая, внимательная женщина, которая и

улыбнется, и слово приветливое скажет всякому входящему, и со скорбящим погорюет, и с веселым порадуется... И если такой человек чувствует боль при виде Нади в храме, то, может, и впрямь тут происходит что-то глубоко неправильное, чего я не понимаю просто потому, что лишь недавно стал верующим?

Лира и Гемелл считали, что «тетка просто не привыкла к новому» и никакого осквернения тут не происходит. Однако я решил обсудить этот вопрос с тем, кто в делах веры разбирался куда как больше нас всех вместе взятых, – с отцом Варухом. Но сразу не успел, нас направили в экспедицию на Фомальгаут-2. А после возвращения я первым делом пошел к нему.

– Проходите, – пригласил он меня в свой кабинет, пронизанный запахом старых бумажных книг. – Очень рад. Я и сам хотел с вами поговорить. Вы ведь по поводу Нади?

– Да. Она что-то натворила?

– Нет. – Отец Варух включил чайник, чтобы вскипятить воду. – На самом деле она, как ни странно, самая лучшая моя прихожанка. Все службы посещает неукоснительно, не опаздывает и не уходит пораньше, проповеди слушает внимательно и вникает в сказанное. Стала посещать огласительные беседы, читать Евангелие, катехизис и усвоила все идеально. Я уж ее вопросами заваливал и с той стороны, и с этой... Отвечает безупречно и со всем согласна, во все верит... По крайней мере, так она говорит.

Достав из серванта простые белые кружки, он бросил по чайному пакетику в каждую.

– Вы считаете, что ей не стоит ходить в храм? – прямо спросил я.

– Что? Ходить? Нет, пусть ходит. С этим проблем нет. Но она тут подошла ко мне после беседы и спрашивает, вся такая скромная, глазки в пол: «Батюшка, а я творение Божие?» Я ей отвечаю: «Конечно, Наденька. Мы ведь в символе веры говорим, что Бог – Творец всех видимых и невидимых. А ты точно видимая, значит, творение Божие».

Резко нарастающий шум кипящей воды завершился щелчком отключения чайника. Отец Варух прервал рассказ, чтобы наполнить кружки. Одну из них, дымящуюся, поставил на столик передо мной, а со второй уселся в кресло напротив.

– Ну и вот, тогда она мне говорит: «А в Евангелии от Марка Господь Иисус Христос заповедовал: идите, проповедуйте Евангелие всему творению, кто будет креститься, спасен будет, а кто не будет креститься, осужден будет. Я не хочу, батюшка, быть осужденной. Что мне надо сделать, чтобы креститься?»

На протяжении его речи я задумчиво смотрел, как темнеет вода в кружке, окрашиваясь в коричневый цвет.

– Не то чтобы этот вопрос с ее стороны стал для меня неожиданным, но то, как она его преподнесла...

– И что вы решили? – не выдержал я.

- Разумеется, обратиться к начальству. Дело-то не рядовое. Написал владыке.
- А он что?
- Тоже решил обратиться к начальству. Передал вопрос патриарху.
- А патриарх, в свою очередь?
- Спустил распоряжение в богословскую комиссию, чтобы они разобрались и представили свое мнение.
- Ну, это надолго.
- Да, полагаю, так. Возможно, к тому времени, как комиссия подготовит ответ, океаны высохнут и звезды погаснут.
- Что ж, мудро, – вынужден был согласиться я. – А о чем вы тогда со мной хотели поговорить?
- Иногда мне приходит помысел о том, чтобы, не дожидаясь комиссии и благословения священноначалия, взять и покрестить ее. И будь что будет. Пусть даже меня снимут потом. По-человечески мне жалко Надю. Она уверовала, все принимает, все выполняет, а мы как будто закрываем перед ней двери в Царство Небесное просто из-за наших страхов. С другой стороны, я не уверен, а так ли смотрит на это Господь, как я? И решение патриарха не торопиться, думаю, связано с тем же – дать Богу время явить Свою волю.

Осторожно отпив из кружки, отец Варух продолжил:

- Ну а с третьей стороны, я иногда думаю: а что именно стоит за ее желанием креститься? И за ее словами о вере? Это же совсем иное существо, возможно, она вкладывает во

все это иные смыслы, с которыми крестить нельзя. Не вообще всех инопланетян, а конкретно ее нельзя. И вот об этом я хотел с вами поговорить, ведь вы знаете Надю лучше меня. И вообще некарцев. Насколько это серьезно для нее?

«Священник задает правильные вопросы», – заметил Гемелл.

– Ко всему, что Надя делает, она относится предельно серьезно, – медленно проговорил я и, подняв кружку, отхлебнул горячего горького чая. – Но ваши опасения не беспочвенны, отче. Раньше я не говорил с ней об этом, ограничиваясь ролью наблюдателя, но теперь, пожалуй, стоит. Раз уж встал вопрос о крещении и дело дошло до патриарха.

– Буду признателен, если сообщите мне результаты разговора.

– Обязательно.

Надо сказать, к тому времени я стал минимизировать контакты с Надей. Не то чтобы избегал ее... Хотя ладно, избегал. Она вела себя со мной иначе, чем с другими, – с какой-то странной, почти подобострастной робостью. Я чувствовал себя неловко. Лира говорила, что некарка влюбилась в меня. Жена находила это очень забавным, а я – нет. Представьте, что с вами флиртует игуана. Ладно, не игуана, но... я не знаю, с чем это сравнить. Конечно, в отличие от игуаны Надя разумна. И она не то чтобы активно флиртовала, но держалась со мной как-то необычно скромно и даже угодливо и как будто ждала от меня какого-то шага или зна-

ка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.